

В. М. Акаткин

ЛИЦОМ К НАРОДНОЙ ЖИЗНИ (Идейно-творческое самоопределение раннего Твардовского)

Категория «народность» почти исчезла из литературоведческого оборота. А если где-то и прозвучит, мы вряд ли вникаем в ее смысловое наполнение. В чем же тут дело? Ослабло ощущение самого народа, для многих пишущих ставшего убывающим населением, электоратом? Размагнитилось силовое поле народной культуры, не отличаемой ныне от культуры массовой, от эстрадно-телевизионной попсы? Влияние постмодернистского сознания, для которого нет центров притяжения? Что бы там ни было, забвение этой категории лишает всякий разговор об искусстве глубины и предметности.

Твардовский в двадцатом веке, по мнению А. М. Абрамова, «вновь открыл свой народ»¹, возродил и высоко поднял авторитет народности. После революции путь к народу оказался долгим и трудным, порой трагическим. Да и сам народ пережил состояние великого разлома, целенаправленно усугубляемого. И только «дни беды и дни побед» властно собрали народ в единое целое. Но теперь мы вновь оказываемся перед угрозой разлада и распада — на возвратном движении к тому, от чего когда-то жертвенно пытались уйти. Настала пора осмыслить весь наш вековой путь, все его подъемы, изгибы и провалы и обрести надежный исторический компас. Особо важен для нас исходный этап, 20—30-е годы отгремевшего века, на которые как раз приходится время творческого самоопределения Твардовского.

Сегодня слово «культура», полагает Г. Кнабе, «утратило четкий контур своего смыслового поля и стало употребляться для обозначения совокупности материальных и духовных проявлений эпохи в их переживании общественным сознанием»². По некоторым подсчетам, это слово вбирает в себя более 150 значений. С появлением такой дисциплины, как культурология, живая конкретика культуры была потеснена концепциями культуры, терминологической схоластикой. А между тем «проникновение в непосредствен-

ность культуры», пишет Г. Кнабе, доступно прежде всего там, где эта совокупность проявлений эпохи «выступает через связь с самыми простыми, самыми неотчужденными... человеческими обстоятельствами, то есть с повседневно-бытовыми условиями существования»³.

Раннее творчество Твардовского, во многом еще незрелое, ученическое, дает нам уникальную возможность проникнуть в «неотчужденные человеческие обстоятельства», в сложные и противоречивые процессы культурной мутации, которые происходили в 20—30-е годы. Будучи свидетелем и участником этого процесса, Твардовский сохранил в себе опорные ценности народной культуры, что позволило ему подняться над культурным нигилизмом эпохи и стать истинно народным поэтом.

Духовное формирование Твардовского проходило как бы на двух уровнях: официально-общественном и сокровенно-личном. Первый уровень обнаруживает себя во всех его публикациях, второй — в дневниках и рабочих тетрадях, зафиксированных беседах и выступлениях, в одиноких безмолвных раздумьях «о времени и о себе». Поэтому важные подробности его духовного становления скрыты от нас, мы видим поэта только на вершинных этапах пути, обозначенных его великими поэмами (о прозе и лирике далеко не всегда вспоминаем). Он не из тех писателей, чье творческое восхождение отмечено звонкими групповыми манифестами, острой полемикой, смелым противостоянием общепринятому. Однако четкий гражданский компас, способность «быть самим собой» в любой обстановке, «с тропы своей ни в чем не сступая», — все это отличало его с ранней юности.

Конечно, многие начальные стихи и заметки Твардовского были данью времени, знаком его присутствия в жизни и в литературе, но главное совершалось в нем на невидимой глубине, однако это главное он до поры до времени не мог выразить. Он созрел медленно и трудно, в душевных борениях и всякого рода конфликтах, под пристальным надзором властей и нападками критики, как вдруг выдал на-гора «Страну Муравью», где явился зрелым мастером, классиком. Откуда? Как? Почему? Эта поэма явилась как продолжением всего, что он делал ранее, так и преодолением юношеского максимализма, полемикой с лево-радикальным отношением к деревне и крестьянину, с методами строительства новой жизни. С появлением этой поэмы Твардовского можно смело назвать новым (после Некрасова) ходатаем за народ, за русского мужика, брошенного в топку прогресса.

Предметный, деятельный мир в ранних произведениях Твардовского локален, но многообразен, это своего рода панорамная движущаяся картина между двумя потрясениями: революцией и коллективизацией. Он порой рискует впасть в прозаичность и натурализм, но для него важнее всего нарисовать реальные приметы обновления. Ни у кого из новокрестьянских поэтов, тяготеющих к песенности и лозунговости, мы не найдем такой панорамной картины деревни. Твардовский одновременно и селькор, и поэт, и социолог, и активный участник происходящего. Нередко его ранние стихи сводят к простой информации, а ведь они очень личностны, он пишет о том, что болит, что его тревожит, во что вплетался сюжет его жизни: смена укладов и ценностей, конфликт поколений, выбор пути, отъединенность от большого мира культуры и т.п. Но чем увереннее овладевает он жизненным процессом, чем заметнее крепнет его мастерство, тем больше «отдаляется» он от самого себя, погружаясь в эпический мир народной жизни, народной души.

Юный Твардовский — скорее по свойству своей натуры, чем осознанно — пытается отмежеваться от воспевания советской нови, от новой волны утопизма, неизбежного после победы революции. «Я писал про делишки нашенькие», — намеренно заземляет он свой пафос в автобиографическом стихотворении «Сельковское»⁴. А немного спустя он заявит о своей позиции более определенно:

Много песен стало в нашем крае.
Все поют о пламенном, большом.
Кто о чем, а я — об урожае.
О своем,
Мужицком,
О родном⁵.

Для тех лет подобное заявление было довольно смелым и дерзким (не петь о пламенном и большом, признать своим мужицкое, всему предпочесть урожай). В дни 10-летнего юбилея революции, невольно подключаясь к «песнетворчеству», он охлаждающе заявит:

Нужней, чем песней,
Нужно славить
Простой работою Октябрь⁶.

А перед самым «великим переломом», предостерегая и себя, и других, он напишет: «Я мечтой вперед не забегаю»⁷. Конечно же, и забегал, и обольщался радужными перспективами колхозной, соборной жизни, однако почва не уходила у него из-под ног, ибо

весь он был дитя народного опыта, народной культуры. Однако удивляет другое: преобладающий критический пафос его сельковских писаний. И если в первых публикациях он обличает извечные русские грехи (пьянство, безалаберность, «авось»), то позднее обнаруживает базовые пороки новой системы: расхождение между словом и делом, равнодушие к человеку, общественную мимирию, нравственное разложение («Где нельзя пройти, там ползут», серия судебных очерков «Кардымовщина», «В беде не помогаем» и др.). И даже в самой коллективизации, желанной и ожидаемой, он видит многое, от чего содрогнулся народ («Первая бригада», «Четыре тонны», ранние поэмы и «Страна Муравия»). Отчетливо различая grimасы переходного времени, Твардовский в конце концов сосредоточился на том, что противостояло социальному и общекультурному помрачению. Можно назвать немало его произведений, в которых пережиточные явления однозначно осуждаются («Лесной разбой», «Бабушкино горе», «Самогонщику», «У котла», «Как умерла гармошка», «Потрава», «Избяные стихи»). Но не меньше и тех, в которых новое пересиливает цепкое старое в прямом противоборстве («В ночном», «Девушке», «Девичье», «Жена», «Размолвка», «Красная свадьба», «Две избы», «Десять раз отмерила», «Девичьи думки»). Однако более всего удаются юному поэту те стихотворения, в которых он будто забывает о размежеваниях и раздорах внутри семьи и внутри народа и целиком отдается чувству любви к родному краю, пытается воплотить русский национальный характер («Родное», «Родная картина», несколько стихотворений под одинаковым названием «Матери», «В дороге», «Мишка ниоткуда», «Ночной сторож», «Перевозчик», «Уборщица», «Гостеприимство» и др.).

Первым его опубликованным стихотворением, как известно, была «Новая изба», по-своему злостное и одновременно мифологичное. Перед нами не просто рядовая изба, а дом новой жизни со своим уставом и символом веры, новым земным богом — портретом вождя из журнала или газеты.

Пахнет свежей сосновой смолою,
Желтоватые стенки блестят.
Хорошо заживем мы семьею
Здесь — на новый советский лад.

А в углу мы богов не повесим
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени
Из угла будет Ленин глядеть⁸.

Тут не статичная картина, не итог, а процесс перехода из одного уклада в другой, причем будущее время явно преобладает над настоящим (заживем, не повесим, не будет, будет); новая социокультурная парадигма, решительно противопоставленная старой, вытесняет ее.

Что только ни запечатлелось в ранних произведениях Твардовского, литературно не окрепших, но всегда напрямую соотнесенных с действительностью. Из всех этих запечатлений постепенно проступает мироздание народной жизни, сотрясаемое внутренними конфликтами, в них формируется своя поэтическая символика, философская многозначность которой в полную силу зазвучит в его поэмах (дом, дорога, семья, земля, память, старое и новое, большой и малый мир, родина и чужбина, разрушение и созидание, обретения и утраты и т.п.).

Деятельное участие в текущей жизни стало сутью его селькоровского поприща, в конце концов обернувшегося литературной судьбой. Он хотел не просто о чем-то написать, но знать, что сделано по его выступлениям. Слово, как он замечал, подвигало к делу, вот почему он дотошно вникал в повседневные заботы деревни. О платном субботнике в пользу авиаэскадрильи он пишет так, будто это всенародная стройка: скосили делянку травы, заработали мало, но «это было участие в великом и важном деле»⁹. С такой же приподнятостью сообщает он о посеянных в Ляховском районе корнеплодах: «Первые шаги сделаны!»¹⁰. О том, что «в деревне нашей кривобокой» осталось совсем немного недокрытых крыш:

Взялась, взялась деревня обрастать,
На крышах хат все меньше дыр мохнатых.
— Ах, скоро, скоро будут нас встречать
Железом крытые, большие хаты¹¹.

Просветленное настроение оставляет у него разговор с неким Жуком, который убедил мужиков не тратить деньги на выпивку, а подписаться на газету, устроил в доме тестя красный уголок, организовал сельхозкружок: «Долго я смотрел вслед Жуку и уже не замечал грязи на дороге, не замечал сырого колючего ветра, потому что мысли мои были радостные и большие»¹². Его ранние стихи и заметки — это своеобразный черновик энциклопедии малых, но для него великих дел, потому что за ними виделась новая жизнь. В прозаических вещах он больше пишет о том, что делают (или мешают делу) другие люди, а в стихах чаще о том, что видит (или хотел бы видеть) и чувствует сам, тут он создает свой

поэтический мир, пространство своей мечты: «На душе простор-веселье, Непечатый счастья край.....»¹³; «И кажется, что тихо светит В избе какой-то новый свет»¹⁴; «Я хочу, чтобы пришел к вам Поскорее гул машинный»¹⁵; «У наших дней другие речи, Другая, радостная жизнь!»¹⁶; «Жизнь былая умерла давно..... Родилась за нею молодая»¹⁷; «И впереди угрюмых дней Не будет, кажется, нисколько»¹⁸; «О гнилом и старом Нынче не тоскуют»¹⁹; «Метелью вишен у окон Зашепчет май о жизни новой»²⁰; «И хлопочет всюду молодая Ранним цветом пахнувшая жизнь»²¹; «Это радостная песня Обновленного труда»²² и т.п.

Весна, свет, простор, веселье, соучастие — вот что несет в себе новая жизнь, прихода которой так жаждет юный Твардовский. Будучи «мобилизованным и призванным», он, естественно, приветствует все новое, что приходит в деревню, при этом не щадя ничего, что мешает этому порядку утвердиться. Главной преобразующей силой он считал просвещение народа, накопление умений и знаний, талант человека (учитель, печник, плотник, вообще мастера своего дела — опорные герои его произведений). Постоянными участниками его автобиографического сюжета являются газета, журнал, книга, школа, учеба и творчество: около сорока стихотворений, заметок, рассказов и очерков раннего Твардовского воплощают этот важный для эпохи сюжет. «Всю детвору нашей страны грамоте мы обучить должны», — в стиле лозунга обращается он к согражданам²³. Ему жаль бедных деревенских ребятшек, которые даже зимой в классе босиком сидят. «Ты обучил одного неграмотного?»²⁴, — стучится он в дверь к каждому, кто в состоянии это сделать. Вместе с другими писателями он работает над «Книгой для чтения»²⁵, сам пишет книгу «Молочный колхоз» для школ первой ступени²⁶. И всегда с особой теплотой и любовью говорит о сельской школе («Сельская школа», «О сельской школе», «Школа в колхозе», «Стихи о всеобуче»).

И сюда
Ребят больших и малых
Соберется школьный коллектив,
Тех,
Которым места не хватало,
Тех,
Которым начинать сначала,
Грамоту
всю сразу захватив²⁷.

Более чем через 30 лет, в поэме «По праву памяти», эти строки прозвучат в близком словесном исполнении.

Мы жили замыслом заветным
Дорваться вдруг
До всех наук —
Со всем запасом их несметным —
И уж не выпустить из рук.
Сомненья дух нам был неведом;
Мы с тем управимся добром
И за отцов своих и дедов
Еще вдобавок доберем.....²⁸.

Этот порыв снизу к высотам культуры, это форсированное стремление «догнать и перегнать», «добраться» и «добрать» во многом определяли особенности советской культуры первых пооктябрьских десятилетий.

Вырастая на глухом хуторе, юный Твардовский рвался в большой мир, мечтал о «вольной» от отца, что порождало конфликты и в семье, и в отношениях с малой родиной, которая, как ему казалось, ограничивает его рост, его поэтические горизонты. В приступах отчаяния он готов был проклясть и свое семейство, и родное Загорье — лишь бы вырваться отсюда. Перед ним вставала дилемма: обрести одно — значит потерять другое. И в этом была драма не одного Твардовского, но и его поколения, драма культурной революции, которая нередко оказывалась антагонистом культуры народной (да и культуры вообще).

В Автобиографии, написанной в послевоенные годы, Твардовский с горечью скажет о бедах своего поколения, тех юношей, что кидали родное захолустье «в обмен на целый белый свет», кого вознесло волной революции на вакантные места культуры: «В развитии и росте моего литературного поколения было, мне кажется, самым трудным и для многих моих сверстников губительным то, что мы, втягиваясь в литературную работу, выступая в печати и даже становясь уже «профессиональными» литераторами, оставались людьми без сколько-нибудь серьезной общей культуры, без образования. Поверхностная начитанность, некоторая осведомленность в «малых секретах» ремесла питала в нас опасные иллюзии»²⁹.

Питательной почвой подобных иллюзий была оголтелая борьба против «темного» прошлого, та культурная политика, которую осуществляли поборники перманентной революции. Суть ее обнажил М. Левидов в статье с характерным названием «Организованное упрощение культуры». Для него военный коммунизм — «радостно-прогрессивный» протест «против явления Пушкина в стране с 90 процентами безграмотных»³⁰. Прежняя культура вообще не

нужна, после революции ее место заняло левое искусство, художники, «пьяные пафосом мести и разрушения», и первый среди них «мрачный таран» Маяковский³¹. Однако и левое искусство, и пролетарская поэзия оказались невостребованными, ибо, по его мнению, «культура, построенная на искусстве, — всегда для немногих»³². Поэтому надо переключиться на материальное производство, которое охватит те самые 90 процентов безграмотных: «Не театральные студии нужно открывать в деревнях, а студии скотоводства»³³, — решительно заявляет М. Левидов. Литература вовсе не властительница дум, не учитель и светоч, а чтиво, отдых и развлечение. Поэзия — это «корь современной России. Ничего, эта корь пройдет — болезнь возраста»³⁴, — уверен М. Левидов. Он радуется тому, что из лексикона революции исчезло слово «интеллигент» — «это бескостное, мяклое, унылое, мокрокуриционное слово, подобного которому не найти ни в одном человеческом языке. Исчезло, и заменилось бойким, красочным, подчеркнутым термином — спец»³⁵.

Еще более антикультурными и антикрестьянскими были выступления Л. Троцкого. В том же 1923 г. появилась его книга «Литература и революция», в которой он бросает культуру под колеса политики. Главная цель борьбы, по Троцкому, — завоевание власти для дальнейшей борьбы (замкнутый круг). В эпоху борьбы, естественно, «разрушения займут больше места, чем новое строительство»³⁶. Культуре остаются «узкие пределы», о создании новой культуры «не приходится говорить». Все брошено на завоевание власти, а все, «что мешает, безжалостно попирается»³⁷. Новая эпоха, полагает Троцкий, лишь приобщает к азбуке культуры, «азбуке в подлинном, буквенном смысле слова»³⁸. Чтение, письмо, четыре правила арифметики — и довольно, вот что «станет само по себе новым культурным фактом, и причем огромным»³⁹. Это будет культура массовая, а не аристократическая. Демьян Бедный и А. Безыменский — вот наша надежда, а большего народу не нужно. Что же касается искусства деревни, то оно вообще «враждебно пролетариату, несовместимо с развитием и обречено на вырождение»⁴⁰. Место ему, как и самому крестьянину, в музеях. Деревни как таковые — это «питомники национального тупоумия», обреченные на вымирание, ведь капитал «беспощадно растворил в своем космополитизме те комбинации косности и лени, которые считались раз навсегда сложившимися национальными характеристиками»⁴¹. По существу тут изложена программа культурного и физического геноцида деревни, а на самом деле народа, поскольку в деревне проживало тогда около 90 % населения страны.

Но вот что удивляет (впрочем, не удивляет, потому что деревню по-прежнему обрезают на вымирание): переиздавая эту книгу в 1991 г., составители никак не прокомментировали «культурную» программу Л. Троцкого.

В духе «организованного упрощения» выступал и главный литературный «спец» большевиков Н. Бухарин: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигенцию, будем вырабатывать их, как на фабрике»⁴². Весь многослойный, веками нарабатываемый гумус культуры эти «упростители» пытались подменить учебниками политграмоты и клубной самодеятельностью, «Кратким курсом» и «Азбукой коммунизма». Однако на этой бесплодной почве мало что выросло. А несколько лет спустя по указанию главных просвещенцев Н. Крупской и А. Луначарского сжигали на кострах или упрятавали в спецхраны на многие десятилетия «вредные» книги: сочинения Платона, Л. Толстого и др. Страшное расхождение между народом и так называемой «рабоче-крестьянской» властью после революции понуждало к мятежам и восстаниям, которые подавлялись с невиданной жестокостью. Все это не могло не сказаться на дальнейшем ходе событий и общекультурной ситуации в стране⁴³. Сами крестьяне пишут о резком понижении культуры труда и быта, нравственной культуры. Поборы, угрозы, насилие, расстрелы — «вся кровь выпита нашей рабоче-крестьянской властью»⁴⁴. Что по сравнению с комиссарским террором гнет царизма или «злой татарщины»? Какое ж тут культурное строительство, если «жизнь стала ненужной и тяжелой»?⁴⁵ Однако стоны и слезы крестьянства не могут заслонить всего, что не должно было погибнуть.

Народной культуре в XX веке был нанесен страшный удар, от которого она не пришла в себя и поныне. Этот удар оказался многократно губительнее, чем гонения на язычество в Древней Руси. Левые своими атаками на прошлое подорвали авторитет традиций, следование которым объявили ретроградством и белогвардейщиной. То, что большевики называли культурной революцией, на самом деле оказалось смутой, помрачением самосознания народа. Этот недуг митрополит Иоанн оценивает как «утерю народом, обществом, государством согласного понимания высшего смысла своего существования»⁴⁶, как «судорожный обрыв преемственной многовековой традиции, питающей народную жизнь бесценным соком совокупного опыта многих поколений: разрушение целостности эстетического, художественного восприятия мира, болезненный исход в беспочвенный и бездушный модернизм,

паразитирующий на дурных энергиях индивидуалистического извращения»⁴⁷. Надо было оглушить, запугать сложную русскую душу, вытащить на позор из ее глубин все мистические тайны, заповеди веры и чести и заменить все это советским агитпропом: вместо Бога — идеология и политика, вместо священных текстов — газета и учебники школ I и II ступени, вместо икон — счетверенный профиль вождей мирового пролетариата. Ситуация первых пореволюционных лет усугубляется тем, что «в сознании значительной части русского народа идеология построения земного коммунистического «материального» рая заслонила (а если честнее — заменила) идею царства Божия на земле.....»⁴⁸. Отсюда невольный союз с большевиками против «старой», «прогнившей» культуры, церкви, обычаев и обрядов, против живых носителей этой культуры. При этом народ утрачивает духовную и нравственную устойчивость, покоряется навязанным мифологемам и догматам.

Внимание новой власти к ликбезу, «новой» школе, распространению газет и книг подкупало молодежь, идущую с низов, однако это внимание имело свое задание и свои пределы: отгородить от истинной культуры и образованности, чтобы штамповать интеллигенцию «на определенный манер». Юный Твардовский горячо воспринял школьную часть программы, однако штамповке не поддавался. Он вскоре почувствовал, каким глубоким ровом отделяют «идеологически натренированную» новую культуру от культуры прошлого, и всеми силами стал одолевать этот ров: работать над собой, учиться и еще раз учиться. Естественно, в глазах «неистовых» он казался чужаком, человеком «не нашего» понимания происходящего, зараженным кулацкими настроениями и буржуазным объективизмом. «Молодой А. Т. ему (Авербаху. — В. А.) не понравился; он не соглашался с моей оценкой его творчества», — свидетельствует А. Македонов⁴⁹. Над деревней, вырвавшейся из разрухи, нависал меч коллективизации, а надо всей страной — зовущая вперед сталинская рука. Поэт знал, куда позвала эта рука его семью, на каком канале мог оказаться его брат, откуда бежал Илья Бугров. Радостное, нетерпеливое ожидание всего нового уступало место настроениям иного ряда: «бестолочь и разброс», «суетория», «дневной грабеж», «их везли, везли возами» и др.

На колокольни встать бы, брат,
И сверху б — в добрый час —
На всю Россию бить набат!
— Да не во что как раз.....⁵⁰.

Последняя реплика принадлежит не сбежавшему с каторги Бугрову, а Моргунку, готовому тоже бить в набат: только вот не во что бить, все колокола посбрасывали.....

Эстафету народознания от русской классики подхватили в 20-е годы волонтеры — интеллигенты, добровольно пошедшие в народ, словно чеховский врач к больному, чтобы помочь одолеть кризис, выбраться из одичания и разрухи. Именно эти годы назвал Ю. Арутюнян «золотым периодом в истории сельской социологии»⁵¹. Твардовский своими стихами и прозой прокладывал тропу народознания в литературе, именно эта тропа привела его к выдающимся творческим достижениям.

Противоречивую культурную ситуацию на Смоленщине бегло, но метко обрисовал В. Шишков в известной статье «Литература в провинции»⁵². В город, словно паводок, хлынула деревня, с ходу занимая административные и культурные посты. Какое причудливое сочетание дикой первобытности и нетерпеливого стремления овладеть знаниями, взять их штурмом: «Наследила в читальнях, клубе, рабфаке. Она крепка и тверда. Сопит, но преодолевает. Спит в общежитиях на жестких солдатских топчанах. Варит картошку. Курит крепкую махорку, слюнявя крепко вычитанную «Правду». На собраниях постановляет: «новый быт!» Буржуазные предрассудки — ни в коем случае.....»⁵³. В литературу, замечает В. Шишков, «прет черноземная сила», молодежь «стихийно потянулась к творчеству, жадно выискивая возможность проявить себя, на что-то опереться, в ком-то найти поддержку..... оглядеться и расправить крылья для полета»⁵⁴. Однако эти крылья сжимали суровые обстоятельства: голод, болезни, неустроенный быт, дикие нравы, привитые борьбой, склоки, доносы и разносы, словом, «литературная работа в провинции — занятие весьма тяжелое»⁵⁵. Только вывод, который делает Шишков, коренным образом отличается от позиции Троцкого: «Россия все еще страдает, и забывать об этом преступно»⁵⁶. Но и забывали, и страдания умножали.....

В провинциальной периодике, как правило, больше конкретики, не столь максималистские и жестокие установки. О деревне так много пишут, что это напоминает рекогносцировку на местности перед большим наступлением. «Переделать все» — этот пафос, заданный вождями революции, не мешает достоверности и даже критичности публикаций, той объективности, которая стала невозможной к концу 20-х годов. Деревня после великого потрясения стала общей темой многих книг и статей. Повсюду страшные следы гражданской войны, пишет о курской деревне Я. Яковлев⁵⁷. Школы без окон и дверей — в них держат домашний скот,

избушки без окон и труб, в пустующих домах — «самогонный завод в полном действии»⁵⁸. Во всем какая-то первобытность, «хлеб служит деньгами. Все продукты оцениваются в хлебе»⁵⁹. Книг и газет нет, библиотек нет, школы не на что содержать. Аналогичную картину в Тульской губернии наблюдают Новиковы: «Книги, газеты, журналы — это для деревни новый мир, новая жизнь»⁶⁰, но пока недоступная. Разруха приводит к одичанию, усугубляет повальное пьянство. В 1921 г. (голод в Поволжье) миллионы пудов хлеба перегоняли на спиртное, возникали даже «самогонные артели»⁶¹. На Смоленщине, по сведениям А. Гагарина, «больше половины детей школьного возраста находилось вне школы»⁶². В Починковской волости всего две библиотеки, «на 60 душ населения — одна газета»⁶³. Почту приносят два раза в неделю — пешком 20 верст (в юношеских стихах и дневниках Твардовского это стало предметом горестных переживаний). Сходные факты приводит Я. Шафир из Воронежской губернии: «В деревне у нас в настоящее время нет ни подписчика, ни читателя»⁶⁴. Нет никакой связи с внешним миром; «слухи в деревне заменяют газеты»⁶⁵. Погружение в средневековье, в культурный атавизм наблюдается повсюду: «Орудия труда чуть не каменного века»⁶⁶.

На Смоленщине сохранение культурного потенциала деревни требовало особых усилий, так как она интенсивно распадалась, в результате чего область вышла «на первое место по числу отрубов и хуторов»⁶⁷. А хуторская жизнь «остро ставила проблему последствий разобщения не только в производственной и вообще материальной сфере, но и в сфере культурно-бытовой»⁶⁸. Некто А. М. Фросенков, такой же хуторянин, как и А. Твардовский, писал в «Смоленскую деревню»: «Живешь где-то в поле. Зимой очень плохо. Детишки дичают. Когда посторонний человек забредает к хуторянину, дети прячутся и кричат от страха, потому что не видят людей»⁶⁹.

Во многих обследованиях смоленская деревня как бы выпадает из пространства культуры. И хотя краски в них намеренно сгущались для настроения на борьбу со всем старым, реальная картина все же была неприглядной. В губернии, сообщает некто Л. Г., 225 тысяч неграмотных, «всегда почти старшая часть деревни ставит кресты вместо подписи»⁷⁰. Удручающие факты приводит А. Тыкоцкий: «Сеть библиотек в деревне крайне ничтожна» — на 16 500 поселений всего 88⁷¹. Избы-читальни «своих библиотек не имеют (если не считать хлама, в достаточной степени истрепанного и неприглядного для деревни)», — писал тот же Тыкоцкий годом ранее⁷².

Однако и в деревнях, и в глухих хуторах традиции не прерывались: пели песни, рассказывали сказки, устраивали посиделки, всевозможные игры и гадания, обменивались жизненным опытом, читали что попадет под руку, старались хоть как-то выучить детей, наезжали в город и привозили оттуда последние новости и атрибуты культуры. Деревня, оправившись от болевого шока войны и продрозверстки, стала оживать, заново отстраиваться, выдвигать новые культурные запросы. Властям требовалась многотысячная армия глашатаев нового порядка жизни, и селькор Твардовский становится ее активным бойцом.

Редактор «Смоленской деревни» Ф. Лобанов-Бельский ставит перед селькорами задачу «вести деревню к новому быту и культурной жизни», она почувствовала вкус к ней. Деревенская молодежь стала усиленно читать — «это видно хотя бы на примере роста тиража комсомольской газеты «Юный товарищ». Газеты вообще начинают читать в деревне»⁷³. В экономической сфере упор делается на крепкого хозяина, в культурной — на просвещение (ликбез, избы-читальни, кружки, общество безбожников, новая школа). При этом на фронте культуры Лобанов-Бельский советует быть осторожнее: «Легко пугать и высмеивать попа, легко издеваться над обрядами темной деревни (что повсеместно делалось. — В. А.). Но эта палка о двух концах. Шумом мы можем вогнать болезнь вглубь, а не излечить ее»⁷⁴. Сказано мягче, не столь воинственно, как у Троцкого и Левидова, но по сути то же самое: борьба с темной деревней, с прежней культурой. Чтение сводится к газете, обряды и вера — к болезни, к пережиткам прошлого, грамотность — к овладению азбукой. Да и каким бойцом культурного фронта мог быть селькор, о котором Твардовский писал: «Пером кое-как скребешь Без «всяких там этих» точек?»⁷⁵. От него требовалось одно: селькор «должен быть прежде всего общественником»⁷⁶.

Сообщение о первом публичном выступлении юного Твардовского четко указывает на главный вектор его интересов — состояние деревенской культуры: «Селькор Твардовский из Переснянской волости указывал на факт недопустимого отношения к пересылке газет. У них в сельсовете газеты залеживаются очень долгое время, идут на раскурку, теряются, а мер никаких. На предупреждение тов. Твардовского совет отвечал лишь насмешками. Очевидно, это явление не единично»⁷⁷. Так называемая «культурная работа» часто исчерпывалась указаниями сверху, средств и кадров не было (а «старорежимные» разогнали): «Двугривенного на составление стенной (газеты. — В. А.) не имеем. Негде взять. Среди нас все батраки да бедняки. Помощи со стороны не имеем, — расска-

звали селькоры»⁷⁸. Как это напоминает дневниковую запись Твардовского от 31 марта 1927 г.: «Нет 10 копеек на марку»⁷⁹.

Между тем пафосно пишут о том, как Советская власть стремится дать рабочему не только материальную базу, но и «разбудить его мозг, привить ему более глубокие знания, научить понимать и любить красоту, т.е., другими словами, сделать его полностью причастным ко всем разнообразным завоеваниям высокой современной культуры»⁸⁰. О каких «завоеваниях», о какой «высокой» культуре витийствует критик, если он тут же произносит: у нас много энергии, но «исключительная бедность в средствах»⁸¹, а у самих пишущих «невысокий культурный уровень»⁸²?

Смоленские газеты отвели специальные «уголки», в которых давали ответы и советы начинающим, чаще всего критические. «Весьма редко присылаемые селькорами стихи подходят к напечатанию»⁸³, — констатирует А. Рытиков, они слабы по содержанию, авторы не знают правил стихосложения. В разделе «Стихи, которые не печатаются» досталось и Твардовскому: «Способности у вас есть, но вы прибегаете к ненужным выражениям..... Обращайте свои стихи как можно тщательнее»⁸⁴. Редакция «Рабочего пути» заявляла: «Каждому селькору мы должны сказать и говорим — селькор, учись!»⁸⁵. Далеко не каждый реагировал на это «учись!» подобающим образом. В разделе «Разговор о стихах» та же газета поведала о таком казусе: пришел в редакцию рабкор М., принес стихи, конечно, слабые, печатать нельзя. Обиделся: «Как рабочий человек написал, так вы и не можете. Да ведь я же университетов не кончал, откуда же мне ученые стихи писать?»⁸⁶. В губернии более 500 человек, сочиняющих стихи, «но среди них едва ли наберется один десяток, которые пишут более или менее хорошо. Остальные... работают зря, впустую»⁸⁷, — сетовал М. Исаковский. Это объясняется малообразованностью, «чрезвычайно низким уровнем развития» и неприкрытым иждивенчеством: «Как ни напиши — в редакции все исправят», раз в университетах не учились, значит, «простительно писать плохие стихи»⁸⁸.

Твардовский воспринимал подобные укоризны особенно остро, о многом догадывался сам, но причины всегда искал в себе, в своей обделенности серьезным образованием: «Думаю вот, что я не учусь нигде, так и не заслуживаю никаких подобных наслаждений..... Мои сверстники кончают среднее образование.....»⁸⁹. Вряд ли кто из начинающих с такой обнаженностью писал о самом себе: «Мучительно ощущаю свое бескультурье. Как я в сущности мало знаю.....»⁹⁰. Поразительный самоанализ и одновременно смелый курс на большое, высокое находим в одной из его записей 1933 г.:

«Я не бесталанен. Но талантливость моя не настолько велика, чтобы проявиться без особых усилий с моей стороны, без труда, при наличии все обнаруживающейся некультурности. Я абсолютно уверен, что если буду по-настоящему (по-брюсовски, по-горьковски) работать — смогу стать большим писателем»⁹¹. Он предъявлял к себе, «собирающемуся быть народным поэтом»⁹², высочайшие, поистине народные требования. Отсюда понятно, почему мотивы книги, учебы, творчества заняли в его наследии такое значительное место.

Культурная устремленность Твардовского резко расходилась с установками Троцкого, Левидова, Авербаха. Последний прямо заявлял: «Мы не участвуем в создании «изящной литературы». Мы говорим на грубом языке классовой борьбы <.....> Наши кадры еще мало культурны, но мы не печалимся»⁹³. Цель тут, как и у Троцкого, одна: безоговорочно подчинить искусство политике, а художника превратить в толкователя лозунгов дня: «Мы должны добиться, чтобы кадры писателей были и кадрами профессиональных революционеров»⁹⁴. Подобные установки устраивали тех, у кого не хватало внутренних ресурсов для противостояния им. Поэтому они принимали как должное лозунг «одемянивания» поэзии, призывы ударников в литературу, соревнование с астрономами и пр. Как положительный сдвиг воспринимают критики тот факт, что поэты перестали писать о личном, о любви, о природе, о душе и духе, не говоря уже о Боге. «Перед ними встал более серьезный вопрос, — поощрительно разъясняет Гр. Бунтарь, — вопрос нашего социалистического строительства, обороноспособности страны и т.д.»⁹⁵.

Многое настораживало тогда Твардовского. Он чувствовал, как упрощают человека, пытаются подменить его функцией, классовой маской, бодрой политической марионеткой. Показательна его дневниковая запись 1927 г: «Говорят и так, кажется, что *теперь* грустить, «меланхоличить» нельзя. *Теперь* это делают только праздные, ленивые или еще какие-то. Черт его знает. Все новое я осознаю с какой-то своей стороны, которая не имеет точного оформления»⁹⁶. Будто возражая неистовым поборникам новизны, он пытается ответить на главный вопрос времени: «Только в голове можно одним махом все старое зачеркнуть и написать абсолютно новое. Как ни прыгай, но начинать приходится с того, что на сей день реально достигнуто»⁹⁷.

Органичность, верность правде жизни, глубина художественного мышления заботит поэта наряду с овладением общей культурой. Если идеалом нового поэта для Троцкого были А. Безыменский и Д. Бедный, то для Твардовского — великая русская клас-

сика. Он устраивает настоящий бой «Политотдельской свадьбе» Безыменского, а по сути дела литературному политиканству. Поначалу эта поэма ему даже понравилась своим жизнерадостным тоном, однако за ним скрывалась ее художественная несостоятельность: невыдержанность языка, вместо живых людей — ходячие ролевые маски, убожество мыслительного багажа, в ядре которого газетные представления и лозунги. Но самое главное, с чем он не мог смириться: «Общий тон по отношению к «деревне», если разобраться, недостойный пролетарского поэта». Люди у Безыменского «немножко дурачки, и поэт не дает им думать и поступать более уважительно»⁹⁸, они это делают в соответствии с политической конъюнктурой. Сами стихи здесь не главное, в них «нет того особенного, что нельзя подменить или подделать, — их можно подделать. Скучно все это доказывать. И трудно. Вероятно, доказать можно лишь иными стихами»⁹⁹. Интуитивно, вопреки диктатам времени, Твардовский пришел к пушкинскому пониманию поэзии: «Дело теперь не в том, чтобы поощрять обращения к актуальной тематике, а чтобы разрабатывать ее по-настоящему»¹⁰⁰, т.е. поэтически, а не политически. В этой «внутренней» рецензии на поэму А. Безыменского Твардовский не только обозначил противостояние официальной литературной политике, но и подвел итоги долгих лет учебы и поисков, взял курс на «иные стихи» — на «Страну Муравию». Он пришел к убеждению, что «мы обо всем будем писать, о чем уже писали и древние и вообще все до нас»¹⁰¹. Ни о какой «новой», «классовой», «нужной» литературе речь не шла. А только о той, которая вправе называться литературой.....

В критике подобные «выпады» начинающего Твардовского не остались незамеченными. Более того, вокруг них образовался напряженный и весьма опасный для него сюжет противостояния, отталкивания от советской поэзии и вообще от советской действительности тех лет. Крестьянские поэты стремятся отобразить «главным образом то новое, что уже имеет деревня и которое победоносно входит в советскую деревню», пишет Вл. Смолин, причем они говорят об этом «всегда в приподнятом, радостном тоне»¹⁰². Новые люди у них только хорошие, они «думают лозунгами», поэты грешат шапкозакидательством, «голая идеология в их творчестве сильно выпирает»¹⁰³. Твардовский, поначалу стоящий в общем поэтическом потоке, вскоре заставляет выделять себя, что оборачивалось для него и радостью, и болью. По замечанию Ан. Тарасенкова, он еще «не обладает умением поставить вопрос в достаточно широком общественном плане», у него пока отсутствует

«четкое политическое кредо», а образ лирического героя «еще не очень ясен»¹⁰⁴. Первый звончок, как говорится, прозвучал, но в нем слышали совсем не то, что слышим теперь мы. Неоднозначность отношения Твардовского к происходящему в зоне «великого перелома» чаще всего сводили к однозначно «не нашему», к отстраненности и холодному наблюдательству, к нежеланию участвовать в этом происходящем. «Он думает, что революционным поэтом можно стать, не принимая органического участия в классовой борьбе, — гневно пишет А. Селивановский. — Это его (и не только его) пагубное заблуждение»¹⁰⁵.

Парадоксально, но самые ранние стихи Твардовского довольно быстро вошли в повседневный литературный оборот. Их одобрительно упоминают в обзорах, они побеждают в конкурсах, ими «подтверждают» те или иные явления жизни, отдельные строфы из них берут эпиграфами к статьям и рецензиям. Твардовского часто называют в ряду тех, кто заметно растет, упорно работает над собой, вырабатывает свой стиль и свое видение действительности, у кого несомненный литературный талант. Однако чем определеннее говорят об этом, тем требовательнее подходят к нему, тем ожесточеннее нападки на самого поэта и на его произведения (больше политического свойства). Не прошло и двух лет с появления «Новой избы», как он удостоивается персональной статьи Дм. Осина (по сути первый литературный портрет раннего Твардовского): «Песни о новой советской деревне, борющейся с темнотой и невежеством прошлого, ее трудную «страдную» работу, ее отдых за «крестьянской газетой», красные комсомольские вечеринки, самогонокурение и неисчислимый ряд отрицательных и положительных, теневых и световых сторон — Твардовский передает лирическим ладом и художественными образами»¹⁰⁶. Последние слова — не просто констатация, они очень важны, поскольку выделяют стихи Твардовского из потока селькоровских писаний, в которых не было ни лада, ни склада, ни художественных образов — одна полуграмотная риторика и лозунги. Только эти писания оказались для властей полезнее и нужней, чем самостоятельный поиск ответов на тревожные сигналы эпохи. Да и многие пишущие либо отказывались, либо неспособны были что-то искать. Остро и смело эта проблема была поставлена В. Шурыгиным на Областном съезде смоленских писателей: «Тему мы больше берем из газет. У писателя же, по-моему, не должно быть посредников с жизнью». Однако, пробежав глазами газетные заголовки, они начинают их иллюстрировать, заставляют своих героев «говорить и действовать на эту тему». А все потому, что «мы боимся полно-

кровного многообразия жизни», «плохо или совсем не изучаем все то многообразие и богатство человеческой индивидуальности, которые заложены в современных нам людях». Естественно, от этого краски «у нас дешевые, разведенные на воде»¹⁰⁷. Твардовский, вероятно, подписался бы под этими словами, хотя и брал темы из газет, и заставлял своих героев говорить по-газетному. Однако жизни он не боялся, пристально всматривался в нее, чем и насторожил рапповскую критику.

В рецензии на «Первый альманах» некто А. М. (скорее всего А. Македонов — по духу, по стилю, по формулировкам, которые потом повторялись), отметив отдельные его достоинства, все же делает вывод, что альманах не удовлетворяет новым задачам пролетарской литературы. Отдельные произведения «имеют серьезные идеологические срывы, показывающие вялость и неглубокость нашей перестройки и вытекающие отсюда творческие уклоны», «недостаточную политически классовую заостренность» и т.п. «Особенно опасными представляются тенденции схематичности и политической неопределенности, «беспартийности» у некоторых авторов». В «Зеленом городе» Твардовский совершает «серьезные идеологические ошибки»¹⁰⁸. В чем эти ошибки, не указано, но это прямое обвинение поэта разрослось потом ветвистым деревом на почве смоленской критики. Каждый, по требованию Л. Авербаха, должен был излечить указанные им болезни, перестроиться и стать «большевиком поэтического рода оружия»¹⁰⁹. Однако на литературный вечер для партийного актива, на котором Л. Авербах выступал, Твардовский осмелился не явиться, что и было замечено¹¹⁰. Накопившиеся обвинения, наряду с бытовыми «прегрешениями», отмеченными в статье Ф. Власова¹¹¹, привели к исключению поэта из ассоциации пролетарских писателей. Обвинения были суровыми и необоснованными: он «мелкий интеллигент, чинуша, оторвавшийся от класса, несработавшийся с массами», «не ведет общественной работы» и т.п. Твардовский, выразив несогласие с таким решением, в обращении к секретариату РАПП уточнял, что «решение принято под давлением Л. Л. Авербаха»¹¹². Местные критики в своих оценках исходят из установок вождя РАПП: «Нет и не может быть литературы, которая стоит в стороне от классовой борьбы»¹¹³. Они словно хотели, чтобы и сам Твардовский, и его произведения оказались «в стороне». Так, журнал «Наступление» опубликовал «Открытое письмо Демьяну Бедному» за подписью известных литераторов и ударников-литкружковцев, в котором поддерживались «ударные темпы», «большевизация рядов», выработка «диалектико-материалистического метода» и пр. Подписи

Твардовского там не было. А стихотворения «Гостеприимство» и «Четыре тонны», словно красная тряпка, буквально разъярили критику. Чего только в них не обнаружили: «грубую политическую и творческую ошибку», «политически неправильные, вредные идеи», «явные классовые настроения», «кулак представлен так, что его классовая сущность затушевывается человеческими качествами»¹¹⁴. Били, конечно, не только по стихам Твардовского, но и по журналу «Западная область», ответственным секретарем которого он был недавно назначен. Признавая, что Твардовский «как писатель за последний период заметно вырос» и приблизился «к позициям пролетариата», Я. Синельников тем не менее замечает: «В его понимании еще много от мелкобуржуазного, попутнического восприятия деревни»¹¹⁵. А конкретно: он не выявляет враждебности кулаков, не умеет показать «партийное, коммунистическое руководство деревней», не всегда «отчетливо понимает направляющую и руководящую роль партии». То смягчаясь, то угрожающе заостряясь, эти обвинения в разных сочетаниях долго будут сопровождать Твардовского, словно вооруженный конвой.

В отклике на поэму «Вступление» Ан. Тарасенков заговорил об аскетизме, сухости, прозаичности, «отсутствии многокрасочности мира», о том, что поэту «не хватает страстности, эмоционального подъема»¹¹⁶. Многогранным эхом отозвалось это в Смоленске: то в форме советов (весьма категорических), то в виде суровых упреков слова Тарасенкова переходят из статьи в статью. «Преодоление аскетической прозаичности, бесстрастности, обеднения многокрасочности мира — задача, стоящая перед Твардовским», — пишет Ис. Кац¹¹⁷. Поэту, по мнению В. Муравьева, не хватает воодушевления, подъема, он страдает каким-то «чрезмерным объективизмом», почти протокоальностью повествования. Вывод напрашивался сам собой: «Пафос гнева и ненависти, сила большевистской страстности необходимы стихам Твардовского, как это правильно отмечалось критикой»¹¹⁸. А. Македонов ставит вопрос «о руководстве действительностью», для решения которого нужен определенный настрой, но его нет. Две главных болезни выявляет он у смоленских поэтов: «недостаточное понимание действительности» и литературщину, с этим связанную, «не говоря уже о прямых ошибках, о прямых идейных искажениях»¹¹⁹. Но самое главное: «Ненависть к классовому врагу недостаточно отражена в поэзии нашей области»¹²⁰. Конечно же, нехватку ненависти находили прежде всего у Твардовского, хотя он порой поддавался установкам и указаниям («Отцу-богатею», «Враг», «Землю ты любил свою одну.....»). Однако он не мог принять эти установки не только в

силу своей природной гуманности, не только как извне диктуемое задание, но и потому, что жизнь требовала совсем иного: замирения, понимания, созидания. В одном из своих выступлений Ив. Мандрик приводит поразительную для того времени мысль Твардовского (возмущаясь и отвергая ее): «Писать надо не ради каких-либо благих намерений, а писать надо так, чтобы было интересно, чтобы читатель мог сказать: «вот писатель хороший». Реакция на эти слова была однозначной: «В выступлении Твардовского сквозило беспартийное отношение к литературе. Мы этого допустить не можем»¹²¹. Понятно, какие намерения были тогда «благими» и как реагировали на малейшее уклонение от них. Понятно и другое: почему Твардовский намеренно усиливал в стихах прозаичность, повествовательность, очерковость, объективизм, почему он дистанцировался от «большого и пламенного». «Наша действительность, — провозглашал А. Македонов, — наиболее героическая, наиболее поэтическая в истории. Будни стали героизмом»¹²². Но если бы речь шла о подлинных, а не газетных, пропагандистских буднях, Твардовский согласился бы с Македоновым.

Настоящую бойню устроили Твардовскому на литературном декаднике, посвященном его творчеству. Декадник длился два дня. Тут ему припомнили все: «неприятный политический привкус», «идеологические срывы», «кулацкие тенденции», «контрреволюционное содержание» произведений, «прежнее кулацкое бытие автора» и т.д. Все это «нельзя не замечать, нельзя не разоблачать. И в этом одна из важнейших задач нашей критики», — настаивал редактор «Большевистского молодняка» Н. Матяс¹²³. По мнению Мягченкова, Твардовский «не понял всю нашу практику в деревне», отсюда его «зияющие срывы»¹²⁴. Но кто тогда глубже, чем Твардовский, понимал и знал эту практику? По завершении этого критического аутодафе обвиняемый «заявил, что не считает себя совершенным поэтом», признал все свои недостатки и ошибки, но ему «еще надо упорно учиться», в том числе с помощью критики. Однако «критика нужна не такая резкая и «оглушающая». А это означало, что он не изменит своему таланту и не будет искать выхода в «благих намерениях», а только на путях творчества. Твардовский пообещал, что «в ближайшем будущем эта же аудитория сможет обсуждать его новые произведения, которыми он покажет, как исправлять ошибки»¹²⁵.

От него требуют, чтобы он заговорил «во весь голос», но ему мешает, как считает В. Афанасьев, «несколько будничное, бытовое» восприятие действительности, которое «снижает значение

описываемых событий»¹²⁶. В намерении защитить Твардовского от критических «бревен» и «оглобель» А. Македонов фактически подтвердил все, в чем обвиняли поэта ранее: отсутствие «подлинной революционной страсти», политические ошибки, «тенденции беспартийности и полувраждебного нашей действительности объективизма», «холодность и прозаичность» стиха и т.п.¹²⁷. Главное, что требуется от современной поэзии, вторил ему Н. Рыленков, это страстность, ибо «наше время — время больших страстей». Однако наши поэты «зачастую обедняют эти страсти» или обходят их¹²⁸. Из контекста ясно, кто из поэтов «обедняет» и «обходит». А вот зачем, это объяснили И. В. Мандрик и М. Завьялов в статье с характерным названием «Боевой призыв». Они напомнили мысль Горького о вреде объективизма, «за которым скрывается реакционное лицо индивидуалиста и мещанина»¹²⁹.

Предельно негативно была воспринята «объективная манера» Твардовского С. Кирьяновым: «Большой и серьезный вопрос, который возникает в связи с рассмотрением творчества смоленских товарищей, это — вопрос о бесстрастности, некоторой холодности, излишнем объективизме, которые встречаются у т.т. Осина и Твардовского»¹³⁰. Осин прозвучал и отставлен, а вот с Твардовским пришлось разбираться, с ним «дело значительно сложнее», потому что он «идет очень трудными и сложными путями. Перед ним много опасностей»¹³¹. Но это сказано не для того, чтобы понять и посочувствовать Твардовскому, а для того, чтобы поэт оставил «трудные и опасные пути». Ведь именно на этих путях он допускал «идейно-политические срывы», «заговаривал не нашим голосом»¹³², впадал в «излишнюю беспристрастность», в «грубый натурализм». Твардовскому не хватает «большевистской страстности», он «довольно часто исходит из позиций дурно понятого объективизма»¹³³. В устах столичного критика, обобщившего все ранее высказанные обвинения, это прозвучало почти приговором (на радость смоленских рапповцев-зоилов).

Появление в «Красной нови» поэмы «Страна Муравия» многих по-хорошему удивило, но многих уязвило и обозлило: след неприятия и всевозможных обвинений тянулся за ней до начала войны. Как же, мол, так: молодой автор из провинции, да еще и «подголосок» — и вдруг написал такую вещь, равной которой не было в современной поэзии? К тому же о деревне, с главным героем мужиком — положительным, ищущим, сомневающимся? По всем показаниям (и политическим, и литературным) такой поэмы не должно было появиться. Но она появилась по логике высших событий, по логике развития Твардовского.

Едва прочитав «Страну Муравию», критики заговорили о ее народности (впервые за годы советской власти это слово стало звучать в критическом лексиконе), о новом качестве поэтического языка. По мнению Е. Златовой, Твардовский «нашел совершенно правильный путь к народности и простоте»¹³⁴. Язык поэмы «ярок, свеж, прост и в то же время современен», в нем много от того, что пришло в деревню «с газетой, радио, электричеством и с/х машиной»¹³⁵. Вс. Азаров обозначил новые тенденции, привнесенные поэмой в литературу, самим названием своей статьи — «На пути к народности». Для него достоинство поэмы «определяется не только социальной значимостью» темы: «Это произведение, широко и любовно использующее достояние народных песен, написанное простым, ярким языком, произведение прочувствованное и глубокое»¹³⁶. В том же духе названа и статья Ю. Севрука — «По следам народного творчества». Объединив эпос и сказку, полагает критик, «молодой поэт продолжил традицию большой народной поэмы»¹³⁷. Никита Моргунок, главный герой поэмы, «добр и человечен», поэтому «его мечта о богатстве поэтична». Правда, в согласии с эпохой, Ю. Севрук, как и другие критики, говорит об «убожестве этой мечты по сравнению с подлинной поэзией коллективного труда и дружной колхозной жизни», о том, что к фольклору Твардовский подошел «с классовым критерием»¹³⁸. Высокомерное, подозрительное отношение к крестьянину, заданное марксистами-большевиками, дает о себе знать и поныне, однако в «Стране Муравии» никаких оснований для подобного отношения не было.

Критик М. Серебрянский, выступление которого в Смоленске было для Твардовского во многом спасительным, за год до публикации поэмы, по черновику, оценил ее «как интересное явление советской поэзии на тему о современной деревне»¹³⁹. На погромную критику, пытающуюся дискредитировать «даровитого поэта», Твардовский «ответил делом, т.е. новым произведением, большой поэмой на колхозную тему»¹⁴⁰. Он остался верен себе: убеждать «поэтическими, художественными средствами, нигде не прибегая к помощи публицистики, декламаций или риторических приемов»¹⁴¹. И особенно удивительна для 30-х годов следующая оценка поэмы: это произведение «подлинно демократическое и по содержанию и по способу его художественного выражения»¹⁴². Поэма поколебала атмосферу ненависти, классовой борьбы, помогла связать времена — прошлое и настоящее, напомнила о народе, его идеалах и заветах, его праве на свободную и счастливую жизнь, тогда как его обращали в рабство. Твардовский, признает

В. Асмус, хорошо знает новую деревню, «знает в то же время ее прошлое, круг ее традиционных представлений, ее веками не трогавшихся обычаев, приличий, нравственных правил»¹⁴³. И это уже не ставится ему в вину! Причем поэт верит, что «новое всюду переможет. Но переможет оно, не насмеявшись над чувствами, представлениями тех людей, которые вступили в это новое из прошлого мира и принесли с собой целый строй склонностей, понятий, предрасположений, старым миром рожденных и в его тона окрашенных»¹⁴⁴.

Закономерным итогом и одновременно высочайшей оценкой предвоенного творчества Твардовского (по существу смоленского периода) звучат слова Е. Златовой о «Стране Муравии»: «Поэма Твардовского может быть названа своего рода энциклопедией советской деревни тех лет»¹⁴⁵. Высоко оценили ее и читатели. Агроном Л. Петровская говорила, что при чтении «Страны Муравии» вспоминались лучшие строки Некрасова, народные песни, частушки, яркая народная речь. Рабочий МТС Я. Фишман признавался: «Я — старый человек, прошел тяжелую жизнь и мне было не до стихов <.....> А вот «Страну Муравию» я прочел с интересом. Она похожа на большую песню, в которую вошло много малых, и каждая из них хороша. Пусть не было Моргунка, но я вижу его, как живого.....»¹⁴⁶. Подобным образом оценят фронтовые читатели и «Книгу про бойца». Ибо в этих поэмах — горячее дыхание жизни, «живой и теплый» человек, живая душа автора. Народ увидел в них самого себя, свою «жизнь-приманку», свой веками формируемый характер.

В рецензии на поэму И. Туркова «Иван-дурак» Твардовский высказал такую мысль: «У нас происходит замечательный процесс. Ликвидация неграмотности в стране не только не является «препятствием» к развитию народного творчества, но наоборот, способствует ему»¹⁴⁷. С точки зрения «неистовых», Твардовский сопрягает несоединимое: просвещение и народную традиционную культуру. Но только благодаря этому сопряжению его собственное творчество обрело всенародное значение.....

¹ «Василий Теркин» А. Твардовского — народная эпопея. — Воронеж, 1981. — С. 9.

² Кнабе Г. Эти пятьдесят лет // Вопросы литературы. — 2007. — № 2. — С. 157—158.

³ Там же.

⁴ Твардовский А. Селькоровское // Юный товарищ. — 1926. — 30 марта. — № 24.

⁵ Твардовский А. Урожай // Смоленская деревня. — 1926. — 21 сент. — № 92.

- ⁶ Твардовский А. Десять... // Красноармейская правда. — 1927. — 6 нояб. — № 253.
- ⁷ Твардовский А. Весенние новости // Рабочий путь. — 1928. — 30 марта. — № 76.
- ⁸ Твардовский А. Новая изба // Смоленская деревня. — 1925. — 19 июля. — № 27.
- ⁹ Твардовский А. Субботник // Юный товарищ. — 1925. — 6 окт. — № 60—61.
- ¹⁰ Твардовский А. Первые шаги сделаны // Смоленская деревня. — 1926. — 15 окт. — № 98.
- ¹¹ Твардовский А. О недокрытых крышах // Там же. — 9 нояб. — № 105.
- ¹² Твардовский А. По дороге // Красноармейская правда. — 1926. — 20 нояб. — № 269.
- ¹³ Твардовский А. Урожай // Смоленская деревня. — 1926. — 21 сент. — № 92.
- ¹⁴ Твардовский А. Родное // Юный товарищ. — 1926. — 30 сент. — № 62—63.
- ¹⁵ Твардовский А. Я хочу // Красноармейская правда. — 1926. — 13 нояб. — № 263.
- ¹⁶ Твардовский А. «Все те же гумна и сарай.....» // Красноармейская правда. — 1926. — 4 дек. — № 281.
- ¹⁷ Твардовский А. Тихий дом // Юный товарищ. — 1926. — 30 дек. — № 87.
- ¹⁸ Твардовский А. Красная свадьба // Смоленская деревня. — 1927. — 8 февр. — № 11.
- ¹⁹ Твардовский А. Избяные стихи // Юный товарищ. — 1927. — 27 марта. — № 22.
- ²⁰ Твардовский А. «Метелью вишен у окон.....» // Молодое. Стихи и рассказы. — Смоленск, 1927. — С. 35.
- ²¹ Твардовский А. «Развалились старые сарай.....» // Красноармейская правда на селе. — 1927. — 20 апр. — № 16.
- ²² Твардовский А. На пашне // Юный товарищ. — 1928. — 10 марта. — № 20.
- ²³ Юный пионер. — 1930. — 6 сент. — № 47.
- ²⁴ Юный товарищ. — 1928. — 29 авг. — № 68.
- ²⁵ Пролетарские писатели в колхозах // Рабочий путь. — 1930. — 12 мая. — № 107.
- ²⁶ Твардовский А. Молочный колхоз. — Смоленск, 1934.
- ²⁷ Твардовский А. Стихи о всеобуче // Рабочий путь. — 1930. — 3 сент. — № 212.
- ²⁸ Твардовский А. По праву памяти. Поэма // Знамя. — 1987. — № 2. — С. 4.
- ²⁹ Твардовский А. Т. Собр. соч.: В 6 т. — М., 1976. — Т. 1. — С. 22—23.
- ³⁰ Левидов М. Организованное упрощение культуры // Красная новь. — 1923. — № 1. — С. 307.
- ³¹ Там же. — С. 311.
- ³² Там же. — С. 315.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. — С. 316.
- ³⁵ Там же. — С. 318.

- ³⁶ *Троцкий Л.* Литература и революция. Печатается по изданию 1923 года. — М., 1991. — С. 146.
- ³⁷ Там же. — С. 150.
- ³⁸ Там же. — С. 151.
- ³⁹ Там же. — С. 152.
- ⁴⁰ Там же. — С. 173.
- ⁴¹ Там же. — С. 199.
- ⁴² *Бухарин Н.* Судьбы современной интеллигенции. — М., 1925. — С. 27.
- ⁴³ См.: «Проклятья крестьян падут на вашу голову.....». Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928—1930 годах // Новый мир. — 1993. — № 4.
- ⁴⁴ Там же. — С. 176.
- ⁴⁵ Там же. — С. 174.
- ⁴⁶ *Митрополит Иоанн.* Русская симфония. Очерки русской историографии. — СПб., 2004. — С. 374.
- ⁴⁷ Там же. — С. 375.
- ⁴⁸ Изучение культуры славянских народов. — М., 1987. — С. 327.
- ⁴⁹ Литературное наследство. — М., 1983. — Т. 93. — С. 362.
- ⁵⁰ *Твардовский А. Т.* Собр. соч.: В 6 т. — М., 1976. — Т. 2. — С. 258.
- ⁵¹ *Арутюнян Ю.* Опыт социологического изучения села. — М., 1968. — С. 6.
- ⁵² *Шишков В.* Литература в провинции // Красная новь. — 1924. — № 3.
- ⁵³ Там же. — С. 283.
- ⁵⁴ Там же. — С. 283—284.
- ⁵⁵ Там же. — С. 288.
- ⁵⁶ Там же. — С. 294.
- ⁵⁷ *Яковлев Я.* Деревня как она есть. Очерки Никольской волости. — 4-е изд. — М.; Л., 1925.
- ⁵⁸ Там же. — С. 9.
- ⁵⁹ Там же. — С. 51.
- ⁶⁰ *Новиковы М. и И.* Дедовские порядки на пересмотр. — М., 1929. — С. 92.
- ⁶¹ Там же. — С. 24.
- ⁶² *Гагарин А.* Хозяйство, жизнь и настроения деревни (по итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии). — М.; Л., 1925. — С. 111.
- ⁶³ Там же. — С. 70.
- ⁶⁴ *Шафир Я.* Газета и деревня. — М., 1923. — С. 3.
- ⁶⁵ Там же. — С. 134.
- ⁶⁶ *Шран-Нель.* По кустарным промыслам Воронежского уезда // Наша работа. — 1923. — № 9—10. — С. 8.
- ⁶⁷ *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. — М., 1977. — С. 138.
- ⁶⁸ Там же. — С. 149.
- ⁶⁹ Смоленская деревня. — 1928. — 17 янв. — № 8.
- ⁷⁰ *Л. Г.* Ростки новой жизни в деревне // Смоленская деревня. — 1925. — 29 апр. — № 16.
- ⁷¹ *Тыкоцкий А.* Практика деревенской работы (Из опыта работы в Смоленской губернии) // Коммунистическое просвещение. — 1926. — № 3. — С. 37.

⁷² *Тыкоцкий А.* Работа изб-читален Смоленской губернии // Коммунистическое просвещение. — 1925. — № 2. — С. 195.

⁷³ *Лобанов-Бельский Ф.* Задачи «Смоленской деревни» и селькоров // Смоленская деревня. — 1925. — 4 янв. — № 2.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ *Твардовский А.* Селькорка // Смоленская деревня. — 1926. — 23 мая. — № 55.

⁷⁶ *Лобанов-Бельский Ф.* Задачи «Смоленской деревни» и селькоров // Смоленская деревня. — 1925. — 4 янв. — № 2.

⁷⁷ Совещание селькоров Смоленского уезда // Смоленская деревня. — 1926. — 28 марта. — № 33.

⁷⁸ Второе губернское совещание рабселькоров // Рабочий путь. — 1926. — 27 марта. — № 70.

⁷⁹ *Твардовский А.* Из старых дневников // Литературное наследство. — М., 1983. — Т. 93. — С. 298.

⁸⁰ *Бурштын Б.* Предисловие // Молодое. Стихи и рассказы. — Смоленск, 1927. — С. 3.

⁸¹ Там же. — С. 3.

⁸² Там же. — С. 6.

⁸³ *Рытиков А.* Селькорам — авторам стихотворений // Смоленская деревня. — 1926. — 3 янв. — № 62.

⁸⁴ Стихи, которые не печатаются (Ответ начинающим поэтам) // Смоленская деревня. — 1926. — 16 нояб. — № 107.

⁸⁵ Сегодня — литвечер рабкоров // Рабочий путь. — 1926. — 4 дек. — № 281.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ *Исаковский М.* Как надо и как не надо писать стихи // Рабочий путь. — 1927. — 4 дек. — № 277.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ *Твардовский А.* Из старых дневников // Литературное наследство. — М., 1983. — Т. 93. — С. 208.

⁹⁰ Там же. — С. 302.

⁹¹ *Твардовский А.* Рабочая тетрадь (Стихи). Замыслы, варианты, наброски. 1933—1935 // Литературное наследство. — М., 1983. — Т. 93. — С. 316.

⁹² Там же. — С. 317.

⁹³ *Авербах Л.* Экзамен пролетарской литературы // Рабочий путь. — 1930. — 4 марта. — № 52.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ *Бунтарь Гр.* Ударники — поэты пятилетки. Обзор стихотворений из папки «Наступления» и литкабинета ударника // Наступление. — 1931. — № 1. — С. 77.

⁹⁶ *Твардовский А.* Из старых дневников // Литературное наследство. — М., 1983. — Т. 93. — С. 301.

⁹⁷ *Твардовский А.* Рабочая тетрадь (Стихи). Замыслы, варианты, наброски. 1933—1935 // Литературное наследство. — М., 1983. — Т. 93. — С. 318.

⁹⁸ Там же. — С. 325.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. — С. 330.

¹⁰² *Смолин Вл.* Литературный молодежь Смоленщины // Юный товарищ. — 1928. — 8 дек. — № 98.

¹⁰³ *Смолин В.* О творческой продукции Смоленской АПП // На литературном посту. — 1929. — № 3. — С. 63.

¹⁰⁴ *Тарасенков Ан.* Среди стихов (Продукция последних месяцев) // Печать и революция. — 1930. — № 1. — С. 70.

¹⁰⁵ *Селивановский А.* Барчук или пролетарский поэт? // Рост. — 1930. — № 4. — С. 28.

¹⁰⁶ *Осин Дм.* Александр Твардовский (Литературно-творческий этюд) / Дм. Осин // Юный товарищ. — 1927. — 27 апр. — № 30.

¹⁰⁷ *Шурыгин В.* Довольно издеваться над читателем // Наступление. — 1934. — № 7. — С. 86.

¹⁰⁸ *А. М.* Первый альманах ЗОАПП // На культурном посту. — 1930. — № 13. — С. 67.

¹⁰⁹ Конференция пролетарских писателей Западной области // Большевицкий молодежь. — 1930. — 9 марта. — № 57.

¹¹⁰ Литературный вечер для партийного актива // Рабочий путь. — 1930. — 25 февр. — № 46.

¹¹¹ *Власов Ф.* Богемствующие пролетарские поэты. Об успехах и непреодоленных препятствиях в работе Смоленской АПП // Большевицкий молодежь. — 1930. — 31 мая. — № 122.

¹¹² *Романов Р. М.* Материалы к творческой биографии А. Т. Твардовского. Смоленский период. 1925—1936 // Литературное наследство. — М., 1983. — Т. 93. — С. 406.

¹¹³ *Бунтарь Гр.* Ударники — поэты пятилетки. Обзор стихотворений из папки «Наступления» и литкабинета ударника // Наступление. — 1931. — № 1. — С. 77.

¹¹⁴ *В. С.* О литературном отделе «Западной области» // Наступление. — 1931. — № 2. — С. 60.

¹¹⁵ *Синельников Я.* О Твардовском // Наступление. — 1932. — № 7. — С. 58.

¹¹⁶ *Тарасенков Ан.* Поэма об исторической весне // Художественная литература. — 1933. — № 9. — С. 19.

¹¹⁷ *Кац Ис.* По наказу вождя // Рабочий путь. — 1934. — 8 янв. — № 7.

¹¹⁸ *Муравьев В.* Преодоление литературного шаблона («Вступление» А. Твардовского) // Наступление. — 1934. — № 1. — С. 61.

¹¹⁹ *Македонов А.* Поэтический участок областной литературы // Наступление. — 1934. — № 5—6. — С. 106.

¹²⁰ Там же. — С. 111.

¹²¹ *Мандрик Ив.* Проблема производственного очерка // Наступление. — 1934. — № 5—6. — С. 135—136.

¹²² *Македонов А.* О типичных недостатках советской поэзии // Рабочий путь. — 1934. — 12 июля. — № 162.

¹²³ *К.* Критика должна быть бдительной. С литературного декадника, посвященного творчеству А. Твардовского // Большевицкий молодежь. — 1934. — 27 июля. — № 173.

¹²⁴ *К.* Суровая большевистская самокритика — могучий рычаг преодоления ошибок // Большевицкий молодежь. — 1934. — 30 июля. — № 176.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ *Афанасьев В.* «Вступление» А. Твардовского // Рост. — 1934. — № 19. — С. 63—64.

- ¹²⁷ *Македонов А.* Как не надо критиковать // Наступление. — 1934. — № 9—10. — С. 195.
- ¹²⁸ *Рыленков Н.* За поэзию больших страстей // Наступление. — 1934. — № 9—10. — С. 137.
- ¹²⁹ Наступление. — 1935. — № 2. — С. 56.
- ¹³⁰ *Кирьянов С.* Творчество поэтов Западной области // Наступление. — 1935. — № 6. — С. 90.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же. — С. 93.
- ¹³⁴ *Златова Е.* «Страна Муравия» // Красная новь. — 1936. — № 7. — С. 263.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ *Азаров Вс.* На пути к народности // Резец. — 1936. — № 15. — С. 24.
- ¹³⁷ *Севрук Ю.* По следам народного творчества // Книга и пролетарская революция. — 1936. — № 9. — С. 77.
- ¹³⁸ Там же. — С. 79.
- ¹³⁹ *Серебрянский М.* Заметки о поэзии 1934 года // Наступление. — 1935. — № 6. — С. 75.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ *Серебрянский М.* «Страна Муравия» // Знамя. — 1936. — № 11. — С. 229.
- ¹⁴² Там же. — С. 230.
- ¹⁴³ *Асмус В.* Александр Твардовский // Знамя. — 1939. — № 7—8. — С. 297.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ *Златова Е.* Добрая работа // Литературная газета. — 1941. — 30 марта. — № 13.
- ¹⁴⁶ Читатели о «Стране Муравии» // Литературное обозрение. — 1936. — № 19. — С. 10.
- ¹⁴⁷ *Твардовский А.* «Иван-дурак». Из дневника литературной консультации // Рабочий путь. — 1935. — 30 сент. — № 226.